

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«ЖАНРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»
представляет книги

АНАТОЛИЯ БРУСНИКИНА

ДЕВЯТНЫЙ СПАС

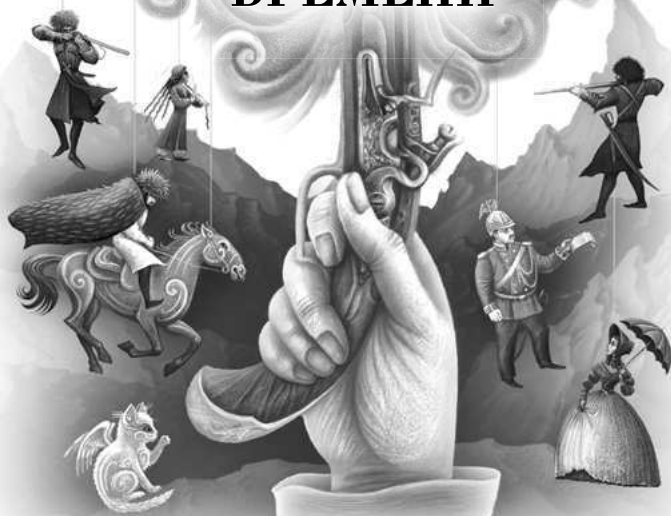
ГЕРОЙ ИНОГО ВРЕМЕНИ

БЕЛЛОНА

БОРИС
АКУНИН

[НИИИЭЛД]
[АУТОИИ]
[ИИИИИИ]

ГЕРОЙ
ИНОГО
ВРЕМЕНИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 321.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А44

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Погружение в историю: романы А. Брусникина»

Оформление — *Ольга Закис*

Акунин, Б. (Анатолий Брусникин)
А44 Герой иного времени: [роман] / Борис Акунин. — Москва: Издательство АСТ, 2023. — 416 с. — (Погружение в историю: романы А. Брусникина).

ISBN 978-5-17-153679-4

Действие романа А. Брусникина происходит на Кавказе во времена «Героя нашего времени» и «Кавказского пленника». Это географическое и литературное пространство, в котором всё меняется и всё остаётся неизменным: «Там за добро — добро, и кровь — за кровь, и ненависть безмерна, как любовь».

УДК 321.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-153679-4

© В. Akunin, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Разговор с незнакомкой

«Но едва закрою письмо, беспокойные мысли уж тут как тут. Все это прекрасно, думается, но все это *было*, а я хочу знать, что *есть*».

А. Бестужев-Марлинский
«Аммалат-бек»

Девушка была милой и доброй, хоть очень расстроилась бы, если кто-нибудь счел ее таковой. В ее кругу эти качества почитались несколько комичными, а в двадцать лет быть смешной ужасно не хочется. Поэтому она старалась выглядеть скупающей, изо всех сил сдерживала порывистость движений, а со слугами разговаривала сухо и обращалась к ним на «вы», это казалось ей оригинальным и европейским. Впервые в жизни девушка совершала самостоятельное путешествие, и нешуточное: из Петербурга на Кавказ, к серным источникам, но не лечить желудок и не искать среди армейской молодежи жениха, как другие барышни. Она собиралась навестить отца, занимавшего важный пост в армии.

Анатолий Брусникин

Петербуржанка ехала на своих, целым поездом: впереди дорожная карета, запряженная парой каурых англичанок, затем повозка с багажом, еще одна со столичными деликатесами и винами для родителя (он был гурман), да запасные тягловые лошади, да чистокровная кобыла для верховой езды – на случай, если путешественнице надоеет качаться на рессорах. Распоряжался караваном пожилой унтер-офицер, которого генерал командировал на север с поручением доставить дочь в сохранности и в назначенный срок.

Первую часть пути, от Петербурга до Москвы, девушка робела и вела себя послушно, но характер у нее был отцовский, смелый, к новым обстоятельствам она привыкала быстро. Мысленно она пообещала себе, что после Москвы всё будет по-другому. В старой столице ей предстояло погостить у тетки, которая все равно не отнеслась бы к племяннице как к взрослой, но уж, вырвавшись из-под родственной опеки, барышня собиралась начать новую жизнь.

Так она и сделала.

Распрощавшись с провожающими на Серпуховской заставе, отъехала совсем недалеко и на первой же почтовой станции, в Бирюлеве, велела остановиться. Никакой необходимости в этом не было. Позади осталось всего 17 верст, лошади нисколько не устали. Но девушка объявила, что желает чаю.

Герой иного времени

Унтер попробовал возражать, но услышал в ответ ледяное: «Вы уж извольте распорядиться, как я сказала» – и, сдвинув седые брови, велел кучеру сворачивать. У служивого имелась строжайшая инструкция от генерала с подробным указанием всех перегонов, привалов и ночевков, но за время дороги старик успел привязаться к своей светловолосой подопечной и готов был исполнить любой ее каприз.

Неожиданная остановка огорчила возниц, горничную и лакея. Погода стояла солнечная, опьяняюще свежая, как бывает в середине апреля, и все настроились ехать вперед – под чеканный стук копыт по подсохшему шоссе, под звон бубенцов. И вдруг на тебе!

Слуги хмуро потащили в избу самовар, посуду – им не пришло бы в голову поить барышню станционным чаем из чужих стаканов. Своевольница поднялась в казенную избу, не обращая внимания на кислые физиономии.

Был, однако, некто, кого импровизированная остановка обрадовала.

От самой заставы за экипажем следовала всадница в черном платье для верховой езды и узкополой шляпке с вуалью. Поскольку дама держалась в полусотне шагов от последней повозки и расстояния не сокращала, никто не обратил на нее внимания. Лицо амазонки было бледным, брови сдвинуты; она то откидывала со лба воло-

Анатолий Брусникин

сы, то покусывала тонкие губы – словом, пребывала в волнении или, может быть, колебаниях. Но когда увидела, что карета сворачивает во двор станции, узкая рука в кружевной перчатке начертала на груди крест, с уст сорвалось радостное восклицание. Отбросив с виска черный локон, наездница тронула лошадь хлыстиком – та легко запустила иноходью.

Через несколько минут после блондинки дама вошла в зал. Там было пусто. Покидающие Москву редко меняют лошадей на первой станции, а те, кто, наоборот, едет в город с юга, обычно торопятся поскорее достичь заставы и не хотят останавливаться в непосредственной близости от цели своего путешествия.

Пока барышне сервировали стол, брюнетка делала вид, что изучает таблицу с прейскурантом, но, едва слуги удалились, приблизилась к столу, откинула с лица вуаль и прерывающимся голосом сказала:

– Мне нужно с вами поговорить. Позвольте пока не называть имени. Я после объясню... А кто вы, мне известно.

Девушка, прежде не замечавшая, что в помещении есть еще кто-то из проезжающих, очень удивилась. Ничего не отвечая, она посмотрела на незнакомку вопросительно. Та выговаривала слова, держалась, была одета как принято в самом взыскательном обществе.

Герой иного времени

Петербургжанка сказала:

– Прошу вас садиться. Что вам угодно и откуда вы меня знаете?

– Я следовала за вами от самого дома вашей тетушки на Пречистенской. Я живу там же, неподалеку, но это не имеет важности... Я бы проделала и более длинный путь, лишь бы поговорить с вами.

Удивившись еще больше, барышня не нашлась, что сказать, и снова показала на свободный стул.

– Благодарю... – Москвичка сняла шляпу.

Ее лицо было не первой молодости и не то чтобы очень красиво, но в нем ощущалось что-то необычайно привлекательное. Девушка отметила матовую бледность кожи, интересные тени под густыми ресницами, легкие морщинки по краям рта – и подумала, что, оказывается, можно сохранять приличную внешность и за тридцать, притом нисколько не молодясь.

– Да, я все про вас знаю, – продолжала дама. – Москва – маленький город. Я расспросила всех, кого только могла. У нас с вами немало общих знакомых... Мне рассказали, что вы умны, добры и милосердны...

При этих словах губы блондинки немного скривились – она бы предпочла, чтобы о ней говорили иное, но брюнетка очень волновалась и не заметила ее недовольства.

Анатолий Брусникин

– ...Я решила вам довериться. Лучшего выбора у меня не будет. Я хочу обратиться к вам с просьбой, касающейся одного человека. – Она запнулась. – Я пока не назову вам и его имени. На случай, если вы откажете... Простите мне эту невежливость и не сердитесь. Сейчас вы всё поймете.

– Слушаю вас, – сказала девушка, очень довольная, что женщина много старше ее годами волнуется и говорит сбивчиво, а сама она так спокойна и сдержанна. – И не волнуйтесь. Хотите чаю?

– Нет, спасибо... Я вижу, что не ошиблась. Вы действительно ангел, как мне и говорили. Но мой рассказ может получиться долгим. Готовы ли вы выслушать?

Хоть и раздосадованная «ангелом», барышня кивнула. Ей становилось всё любопытней. Она не представляла, о чем может ее просить такая интригующая, такая *взрослая* дама – верно о чем-нибудь необычном. Путешествие из скучной Москвы на романтический Кавказ, кажется, сразу же начиналось с романтического приключения.

– Кто вы все-таки? – спросила она. – Не хотите называться – не нужно, но все же – кто?

Брюнетка пожала плечами, аттестовала себя коротко:

– Никто. Старая дева. Речь не обо мне, а об одном человеке. Он мне родня, очень дальняя. Я на

Герой иного времени

двенадцать лет моложе, мое детство прошло в деревне, вдали от столицы, где жил он, но у нас в семье часто о нем говорили. Тогда, вы вряд ли помните, была мода на миниатюрные портреты. У маменьки на клавикордах стояла целая галерея: государь с государыней, мадам де Сталь, лорд Байрон, Шатобриан, дюжина родственников, и среди них он – очень молодой, красивый, в мундире с какими-то орденами. Я подолгу смотрела на него, часто о нем думала. Он казался мне принцем из сказки. Когда он наезжал к нам, я была слишком маленькой и его не запомнила. Потом у него произошла какая-то дуэльная история (тогда они случались гораздо чаще, чем теперь), и он уехал в далекие страны. Их названия были для меня, как музыка: Америка, Испания, Греция. Во времена моего детства в гостиных часто звучали имена «Боливар», «Квируга», «Ипсиланти». Он, должно быть, видел этих великих людей, думала я с восторгом. Сегодня в это трудно поверить, но тогда все любили порассуждать о революциях, юноши мечтали где-нибудь сражаться за чью-то свободу. Но они мечтали, а он – сражался.

Я была подростком, почти девушкой, когда вокруг стали говорить, что надобно сначала избавиться от рабства собственных соотечественников, а потом уж заботиться о счастье испанцев или греков. Вы недоверчиво улыбаетесь? Мне и самой странно. Прошло меньше двадцати лет, а кажется, будто это было во времена античности...

Анатолий Брусникин

Человек, о котором я рассказываю, вернулся из долгих странствий в канун Несчастья. Вы понимаете, о чем я... Это было в исходе 1825 года, – прибавила дама, видя на лице слушательницы недоумение. Та неуверенно кивнула. – Он прибыл в Петербург, кажется, в самый день возмущения. Не знаю, в чем именно заключалось его преступление против власти, но приговор он получил ужасный, по первому разряду, то есть повешение, по конфирмации замененное пятнадцатью годами каторги с последующим сибирским поселением навечно. *Навечно*, – повторила она медленно, с дрожью. – Мне после шепнули, что в отличие от многих, виновных куда более, он дерзил на следствии и восстановил против себя самого... Нет, не буду об этом. – Дама сбилась, видимо, забеспокоившись, не сказала ли она нечто, могущее испугать собеседницу. – Я не хочу, не должна касаться материй, которые... не имеют значения. Лучше я расскажу о своих отношениях с... этим человеком.

Она опустила глаза и, не переставая говорить, теперь всё смотрела на скатерть, будто видела там картины из прошлого.

– Вы уже, конечно, догадались, что я полюбила его. Я не могла в него не влюбиться еще заглазно – со всеми этими рассказами, с миниатюрным портретом, с девичьим томлением и скукою деревенской жизни. Вероятно, эти мечтания закончились бы тем, что я встретила

Герой иного времени

бы какого-нибудь более или менее обыкновенного человека, обнаружила бы в нем всевозможные достоинства или напридумывала их, вышла бы замуж, и потом была бы счастлива или несчастна, Бог весть. Но вышло так, что по дороге из-за границы в Петербург мой троюродный брат заглянул в наше имение... И я увидела человека исключительного, по сравнению с которым остальные мужчины навсегда утратили для меня всякую привлекательность. Я полюбила уже не по-девичьи, а по-настоящему, на всю жизнь. Это чувство наполнило доверху мое существо и существование. Испытания и страдания, какие принесла мне эта любовь, не способны омрачить счастья, которым она меня одарила. В самые тяжкие минуты я спрашиваю себя: готова ли я была бы променять свой жребий на какой-то иной? И в ужасе содрогаюсь. Нет, никогда!

Москвичка смахнула слезинку. Глаза замороженно слушавшей петербуржанки тоже вмиг увлажнились.

– Итак, мне шел осмнадцатый год. И вела я себя, как всякая влюбленная девочка. Не сводила с него глаз, повсюду за ним ходила и прочее подобное. Я знала, что очень недурна – мне все это говорили. А он слыл ценителем женской красоты. Я слышала про его любовные приключения, но эти слухи меня не отталкивали, совсем наоборот... И, конечно же, он обратил на меня